

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-182-187

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ИВАНКИН Матвей Алексеевич,

студент института экономики и управления, КемГУ,

e-mail: ivankinmatvej.1@gmail.com

ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ И ПРОБЛЕМЫ ИХ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В ИМУЩЕСТВЕННОМ ПРАВЕ

Аннотация. Предмет исследования – правовая природа цифровых прав как объектов гражданских прав. Цель – выявление правовой квалификации цифровых прав и проблем их судебной защиты в имущественном обороте. Методология включает общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. Результаты: обосновано, что цифровые права не являются бестелесными вещами или обычными обязательственными правами; предложено рассматривать их как самостоятельную категорию объектов. Область применения – судебная практика, законодательная деятельность, правоприменение. Новизна заключается в разработке критериев разграничения цифровых прав и иных объектов, а также в выявлении специфических препятствий для судебной защиты. Выводы: необходима унификация подходов к определению момента перехода цифровых прав, допустимости виндикации и способов фиксации нарушений.

Ключевые слова: цифровые права, имущественный оборот, судебная защита, правовая квалификация, токены, виндикация.

IVANKIN Matvey Alekseevich,

student of the Institute of Economics and Management, KemSU

LEGAL QUALIFICATION OF DIGITAL RIGHTS AND PROBLEMS OF THEIR JUDICIAL PROTECTION IN PROPERTY TURNOVER

Annotation. Subject – the legal nature of digital rights as objects of civil rights. Purpose – to identify the legal qualification of digital rights and problems of their judicial protection in property turnover. Methodology includes general scientific (analysis, synthesis, system approach) and specific legal (formal legal, comparative legal) methods. Results: it is substantiated that digital rights are neither intangible assets nor ordinary obligatory rights; they should be considered an independent category of objects. Application – judicial practice, legislative activity, law enforcement. Novelty lies in developing criteria for distinguishing digital rights from other objects and identifying specific obstacles to judicial protection. Conclusions: unification of approaches to determining the moment of transfer of digital rights, admissibility of vindication, and methods of recording violations is required.

Key words: digital rights, property turnover, judicial protection, legal qualification, tokens, vindication.

Введение

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни, включая экономику и право, стала одним из определяющих трендов последнего десятилетия. Появление новых технологических феноменов — распределённых реестров (блокчейн), смарт-контрактов, токенов, цифровых финансовых активов — объективно потребовало от правовой системы адекватного ответа на вопрос о том, какое место эти новые объекты занимают в системе гражданского оборота. Российский законодатель сделал важный шаг в этом направлении, легализовав в статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) понятие «цифровые права» [1]. Однако

сам факт включения данной нормы в ГК РФ не решил, а во многом лишь обострил дискуссию о правовой природе цифровых прав, их квалификации, а также о том, какие механизмы судебной защиты применимы к ним в случае нарушения [4, с. 3–4].

Проблема усугубляется тем, что имущественный оборот всё активнее включает в себя цифровые права как объекты купли-продажи, залога, уступки и иных сделок. При этом суды, арбитражные и общей юрисдикции, сталкиваются с ситуациями, когда классические конструкции вещных и обязательственных прав оказываются неприменимыми или применимыми лишь с большой натяжкой [3, с. 18–19]. Недостаточная

теоретическая разработанность вопроса о правовой квалификации цифровых прав порождает правовую неопределённость, а следовательно — снижает защищённость участников оборота и инвестиционную привлекательность цифровых активов.

Цель настоящей работы состоит в комплексном анализе правовой природы цифровых прав, выявлении их сущностных признаков, позволяющих отграничить их от иных объектов гражданских прав, а также в систематизации проблем, возникающих при их судебной защите в имущественном обороте, и в предложении путей их решения. Для достижения указанной цели в статье решаются следующие задачи: анализируется легальное определение цифровых прав и доктринальные подходы к их квалификации; исследуются признаки цифровых прав как самостоятельной категории объектов; выявляются основные группы проблем судебной защиты; предлагаются конкретные изменения в законодательство и правоприменительную практику.

1. Понятие и правовая природа цифровых прав: доктринальные подходы

Легальное определение цифровых прав содержится в статье 141.1 ГК РФ, согласно которой цифровыми правами признаются названные в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [1]. Ключевыми признаками, вытекающими из данного определения, являются: во-первых, указание на цифровые права в законе (закрытый или открытый перечень — вопрос дискуссионный); во-вторых, их обязательственный или «иной» характер; в-третьих, зависимость содержания и порядка осуществления от правил конкретной информационной системы (как правило, распределённого реестра) [6].

Однако данное определение оставляет открытым ряд принципиальных вопросов. Что именно означает «иные права»? Могут ли ими быть вещные права, зафиксированные в цифровой форме? Каковы критерии «правил информационной системы» — могут ли они изменяться в одностороннем порядке оператором системы? Как соотносятся цифровые права с такими традиционными объектами, как безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права требования? Законодатель не даёт прямых ответов, оставляя их доктрине и судебной практике.

В российской цивилистике сложилось несколько основных подходов к квалификации цифровых прав.

Первый подход (его сторонниками являются, в частности, Л.А. Новоселова, Д.И. Степанов) рассматривает цифровые права как разновидность бестелесных вещей либо как особую форму фиксации традиционных прав [4, с. 7–9]. Согласно этой позиции, блокчейн выступает всего лишь как технологический способ удостоверения права, но не меняет его правовой природы. Например, токен, удостоверяющий право требовать передачи товара, по своей сути остаётся обязательственным правом, просто зафиксированным в распределённом реестре. Достоинство данного подхода — в его консервативности и стремлении «вписать» новые явления в существующую систему без её перестройки. Недостаток — в игнорировании специфических свойств цифровых прав, таких как их неразрывная связь с закрытым ключом, возможность существования только в рамках конкретной информационной системы, особый порядок передачи (транзакция в реестре, а не цессия).

Второй подход (М.А. Егоров, А.В. Габов) исходит из того, что цифровые права представляют собой самостоятельный объект гражданских прав, не сводимый ни к вещам, ни к обязательственным правам, ни к бездокументарным ценным бумагам [2, с. 46–48]. Сторонники этого подхода указывают, что цифровое право обладает рядом уникальных свойств: а) оно существует исключительно в цифровой среде и не имеет материального носителя в традиционном понимании; б) его принадлежность лицу определяется фактом владения закрытым криптографическим ключом, а не записью в реестре в классическом смысле (хотя запись в реестре также имеет место); в) распоряжение цифровым правом происходит путём совершения транзакции в информационной системе, а не путём заключения отдельного договора цессии или передачи вещи. Эти особенности, по мнению сторонников данного подхода, требуют признания цифровых прав самостоятельной категорией с возможным последующим формированием особого правового режима.

Третий подход (А.И. Савельев, некоторые авторы) можно назвать функциональным [5, с. 36–38]. Согласно ему, правовая квалификация конкретного цифрового права зависит от его экономической сущности: если токен по своим функциям аналогичен ценной бумаге (удостоверяет совокупность имущественных прав), к нему применяются правила о ценных бумагах; если он аналогичен корпоративному праву — правила корпоративного законодательства; если он удостоверяет право требовать передачи вещи — правила обязательственного права. При этом сам по себе цифровой формат не создаёт новой право-

вой категории. Достоинство данного подхода — гибкость и экономическая адекватность. Недостаток — правовая неопределённость, поскольку одинаковые по технологии токены могут квалифицироваться по-разному в зависимости от их экономического содержания, что создаёт риски для оборота.

Автор настоящей статьи, критически оценивая все три подхода, приходит к выводу, что наиболее обоснованной является позиция, признающая цифровые права самостоятельной категорией объектов гражданских прав. Однако эта самостоятельность не означает полного разрыва с традиционными институтами. Цифровые права могут выполнять функции, аналогичные функциям вещей (например, выступать средством платежа — криптовалюта), ценных бумаг (цифровые финансовые активы) или обязательственных прав (утилитарные цифровые права) [6]. Их особенность заключается в способе существования, фиксации, передачи и осуществления, который не совпадает ни с одним из известных способов. Именно эта технологическая специфика обосновывает необходимость выделения цифровых прав в отдельную категорию.

2. Отграничение цифровых прав от смежных правовых категорий

Для уточнения правовой квалификации цифровых прав необходимо провести их разграничение с такими категориями, как вещи (включая безналичные деньги), бездокументарные ценные бумаги и обязательственные права, зафиксированные в обычной письменной форме.

Цифровые права и вещи. Согласно статье 128 ГК РФ, к вещам относятся объекты материального мира [1]. Цифровые права, напротив, не имеют материального воплощения. Даже запись в распределённом реестре — это не сама вещь, а информация о праве. Поэтому отнесение цифровых прав к вещам противоречило бы фундаментальному принципу разграничения вещных и обязательственных прав. Недопустима, например, виндикация цифрового права как вещи (хотя, как будет показано далее, проблема защиты добросовестного приобретателя требует аналогичных механизмов) [3, с. 20].

Цифровые права и бездокументарные ценные бумаги. На первый взгляд, между ними много общего: и те и другие существуют в бездокументарной форме, фиксируются в реестре, передаются путём совершения записи о переходе права. Однако бездокументарная ценная бумага (ст. 142 ГК РФ) удостоверяет обязательственные и иные права, но при этом соблюдение формы фиксации строго регламентировано законом [1]. Цифровое же право может существовать в информацион-

ной системе, правила которой не всегда соответствуют законодательным требованиям (например, смарт-контракт на базе Ethereum). Более того, бездокументарная ценная бумага предполагает наличие лица, обязанного по ней (эмитента). Цифровое право может не иметь такового (криптовалюта Bitcoin не предполагает какого-либо должника). Следовательно, приравнивание всех цифровых прав к бездокументарным ценным бумагам невозможно [4, с. 10–11].

Цифровые права и обязательственные права в традиционном понимании. Обязательственное право всегда предполагает конкретного кредитора и должника, а также содержание требования, определённое договором или законом. Цифровое право, особенно в децентрализованных системах, может не иметь должника (как в случае с биткоином — это право требования к сети, но кто именно должник? Ответа нет). Кроме того, уступка обязательственного права (цессия) требует оформления договора и уведомления должника. Передача цифрового права осуществляется простой транзакцией в реестре, без какого-либо уведомления [5, с. 40–42]. Поэтому квалификация всех цифровых прав как обязательственных также не является корректной.

Таким образом, автор приходит к выводу, что цифровые права занимают самостоятельное место в системе объектов гражданских прав, образуя новую категорию, которая лишь частично пересекается по своим функциям с традиционными категориями, но не совпадает с ними полностью. Признание этой самостоятельности имеет ключевое значение для решения проблем судебной защиты, поскольку определяет, какие способы защиты могут применяться по аналогии, а какие требуют специального законодательного регулирования.

3. Проблемы судебной защиты цифровых прав в имущественном обороте

Анализ судебной практики (преимущественно арбитражных судов и судов общей юрисдикции за 2020–2024 годы) позволяет выделить три основные группы проблем, с которыми сталкиваются участники оборота при судебной защите цифровых прав.

3.1. Проблема доказывания факта обладания цифровым правом и его утраты

Первая и наиболее острая проблема связана с доказыванием того, что конкретное лицо является обладателем цифрового права. В децентрализованных блокчейн-системах (например, Ethereum, Bitcoin) учёт записей ведётся псевдонимно: адрес кошелька представляет собой строку символов, не содержащую прямо информации о владельце. Лицо доказывает своё право

на цифровые активы, предъявляя закрытый ключ или подписывая им определённое сообщение. Однако в судебном процессе предъявление закрытого ключа сопряжено с риском его компрометации. Кроме того, суд не имеет технической возможности самостоятельно проверить, что именно данное лицо владело ключом в момент спорных правоотношений [3, с. 20–21].

Проблема усугубляется, когда цифровые права хранятся у профессионального хранителя (криптовалютной биржи, кастодиана). В таких случаях фактически учёт прав ведётся внутренним реестром биржи, который может быть оспорен. Судебная практика демонстрирует противоречивые подходы: одни суды принимают в качестве доказательства выписки из внутреннего реестра биржи, другие требуют предоставления закрытых ключей или подтверждения транзакций в публичном блокчейне [2, с. 49–50].

Автором предлагается следующий путь решения: законодательно закрепить презумпцию принадлежности цифрового права лицу, которое указано в реестре владельцев цифровых прав (если такой реестр ведётся в соответствии с законом), либо лицу, которое может подтвердить владение закрытым ключом способом, установленным судом (например, путём подписания электронной подписью определённого текста). При этом должна быть предусмотрена возможность оспаривания этой презумпции. Кроме того, целесообразно ввести институт судебного доступа к информации о транзакциях (через операторов узлов блокчейн-сетей или специализированных экспертов) [4, с. 12–13].

3.2. Проблема выбора способа защиты: вопрос о виндикации цифровых прав

Классический вещно-правовой способ защиты — виндикационный иск (статьи 301–302 ГК РФ) — по буквальному смыслу закона применим только к индивидуально-определённым вещам [1]. Цифровые права вещами не являются. Следовательно, формально виндикация к ним неприменима. Однако в имущественном обороте регулярно возникают ситуации, когда цифровое право выбывает из владения помимо воли его обладателя (хищение криптовалюты, несанкционированное списание токенов, взлом кошелька). В таких случаях потерпевший желает истребовать свои цифровые права у добросовестного приобретателя [5, с. 44–45].

Проблема обостряется тем, что добросовестный приобретатель, купивший токены на бирже, может и не знать о том, что они были похищены. Применение по аналогии правил о виндикации бездокументарных ценных бумаг (статьи 149.2, 149.3 ГК РФ) возможно, но небесспорно, поскольку бездокументарные ценные

бумаги удостоверяют права по отношению к эмитенту, а цифровые права могут такого эмитента не иметь [1; 2, с. 50–51].

Автор полагает, что оптимальным решением было бы распространение по аналогии закона правил о виндикации бездокументарных ценных бумаг на все цифровые права, за исключением тех, которые по своей природе не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя (например, криптовалюта, выполняющая функцию денег, — в силу свойств публичной достоверности и оборотоспособности). В качестве альтернативы предлагается ввести в ГК РФ специальную статью о восстановлении цифровых прав при их неправомерном списании, предусматривающую механизм «обратной транзакции» (*revers transaction*) в информационной системе, если это допускается её правилами [3, с. 21–22].

3.3. Коллизионные проблемы при трансграничном обороте цифровых прав

Цифровые права по своей природе трансграничны. Распределённый реестр может одновременно находиться на серверах в десятках стран. Определить «место нахождения» цифрового права в классическом коллизионном смысле практически невозможно. Это порождает проблему выбора применимого права при рассмотрении споров. Российские суды в ряде дел отказывали в защите именно по мотиву невозможности установить применимое право, либо применяли право страны ответчика (*lex fori* по принципу наиболее тесной связи), что не всегда обоснованно [4, с. 13–14].

В доктрине предлагаются разные коллизионные привязки: право страны места нахождения оператора информационной системы; право страны места регистрации эмитента (если эмитент есть); право страны места обычного проживания владельца цифрового права; право страны, выбранное сторонами в смарт-контракте [5, с. 46–47]. Каждая из этих привязок имеет достоинства и недостатки.

Автор считает наиболее перспективным закрепление в Гражданском кодексе РФ правила о том, что к отношениям, связанным с цифровыми правами, при отсутствии соглашения сторон применяется право страны оператора информационной системы, а если оператора нет (децентрализованная система) — право страны места жительства или основного места деятельности лица, которое является эмитентом цифрового права. Если эмитент также отсутствует (как в случае с Bitcoin), предлагается применять право страны суда (*lex fori*) с оговоркой о публичном порядке [6]. Такое решение хотя и не является идеальным, но обеспечивает определённость и предсказуемость.

4. Направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики

На основе проведённого анализа автор формулирует следующие предложения по совершенствованию российского гражданского законодательства и практики его применения.

1. Целесообразно дополнить статью 128 ГК РФ прямым указанием на цифровые права как на самостоятельную категорию объектов гражданских прав, поместив их в отдельный пункт после вещей, денег, ценных бумаг и имущественных прав [1; 2, с. 51].
2. В статью 141.1 ГК РФ следует внести уточнения, раскрывающие признаки информационной системы, в рамках которой могут существовать цифровые права, а также установить, что правила такой системы не могут противоречить императивным нормам законодательства [1; 6].
3. Ввести в раздел II ГК РФ (право собственности и другие вещные права) специальную норму о применении виндикационных правил к цифровым правам по аналогии, либо создать отдельный институт восстановления цифровых прав при их неправомерном выбытии [3, с. 22].
4. Дополнить раздел VI ГК РФ (международное частное право) новой статьёй, определяющей коллизионные привязки для цифровых прав, с учётом их децентрализованного характера [4, с. 14].
5. Рекомендовать Пленуму Верховного Суда РФ дать разъяснения о допустимых доказательствах принадлежности цифровых прав (включая использование криптографических методов) и о порядке оценки таких доказательств [2, с. 52; 3, с. 19].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Цифровые права представляют собой самостоятельную категорию объектов гражданских прав, обладающую уникальными признаками: существование исключительно в цифровой среде, связь с закрытым криптографическим ключом, особый порядок передачи путём транзакции в информационной системе, отсутствие обязательного должника (в децентрализованных системах) [2; 4; 5]. Эти признаки не позволяют сводить цифровые права ни к вещам, ни к обязательственным правам, ни к бездокументарным ценным бумагам.

Судебная защита цифровых прав в имущественном обороте сталкивается с тремя основными группами проблем: доказывание принадлежности права, выбор способа защиты (особенно вопрос о виндикации) и коллизионное регулирование при трансграничном обороте [3; 4; 5]. Каждая из этих проблем требует самостоятельного решения.

Предложенные автором пути решения включают: введение презумпции принадлежности цифрового права лицу, указанному в реестре либо подтвердившему владение ключом; распространение по аналогии закона правил о виндикации бездокументарных ценных бумаг на цифровые права (с определёнными исключениями); закрепление в законодательстве коллизионной привязки к праву страны оператора информационной системы или, при его отсутствии, к праву страны эмитента либо суда [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Реализация указанных предложений позволит повысить правовую определённость и эффективность судебной защиты участников оборота цифровых прав, что, в свою очередь, будет способствовать дальнейшему развитию цифровой экономики в Российской Федерации. Дальнейшие исследования могут быть направлены на детальную разработку механизма восстановления цифровых прав при их неправомерном списании, а также на анализ судебной практики применения предлагаемых норм после их возможного принятия.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- [2] Егорова М.А. Цифровые права как новый объект гражданского оборота // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 3. – С. 45–52.
- [3] Левушкин А.Н., Смирнова И.Г. Проблемы судебной защиты цифровых прав в условиях цифровой экономики // Российская юстиция. – 2020. – № 11. – С. 18–21.
- [4] Новоселова Л.А. Цифровые права: понятие, признаки, место в системе объектов гражданских прав // Хозяйство и право. – 2019. – № 12. – С. 3–14.
- [5] Савельев А.И. Криптовалюта и токены: правовая квалификация и пределы оборота // Закон. – 2018. – № 6. – С. 35–48.
- [6] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5018.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 16.04.2022) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. – Art. 3301.

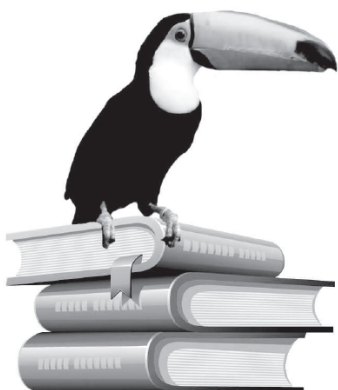
[2] Egorova M.A. Digital rights as a new object of civil circulation//Bulletin of arbitration practice. – 2021. – № 3. – S. 45-52.

[3] Levushkin A.N., Smirnova I.G. Problems of judicial protection of digital rights in the digital economy//Russian Justice. – 2020. – № 11. – S. 18-21.

[4] Novoselova L.A. Digital rights: concept, characteristics, place in the system of objects of civil rights//Economy and law. – 2019. – № 12. – S. 3-14.

[5] Savelyev A.I. Cryptocurrency and tokens: legal qualifications and turnover limits//Law. – 2018. – № 6. – S. 35-48.

[6] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – № 31. – Art. 5018.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru